

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

В. Н. Уруков

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ВЕКСЕЛЯ В РОССИЙСКОМ
ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика гражданского
права и гражданского процесса

Владислав Уруков

**Правовое регулирование векселя
в российском гражданском праве**

«Юридический центр»

2004

УДК 347.746
ББК 67.404

Уруков В. Н.

Правовое регулирование векселя в российском гражданском праве
/ В. Н. Уруков — «Юридический центр», 2004 — (Теория и
практика гражданского права и гражданского процесса)

ISBN 5-94201-388-8

<p id="_GoBack">Автор настоящей работы – Владислав Николаевич Уруков, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданских правовых дисциплин юридического факультета Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, заслуженный юрист Чувашской Республики. В работе рассматриваются отношения, возникающие в результате выдачи векселя, вексельного обращения, место векселя в системе общегражданских обязательств, освещаются наиболее актуальные проблемы правового регулирования векселя в российском гражданском праве. Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов, предпринимателей, а также всех интересующихся проблемами вексельного оборота в России.

УДК 347.746

ББК 67.404

ISBN 5-94201-388-8

© Уруков В. Н., 2004

© Юридический центр, 2004

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Вексельное обязательство в системе гражданско-правовых обязательств	7
§ 1. К истории возникновения вексельного обязательства	7
1.1. Векселеподобные обязательства в римском праве	7
1. 2. Трансформация векселя с VI по XX в.	11
§ 2. Понятие векселя в российском гражданском праве	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владислав Уруков
Правовое регулирование векселя
в российском гражданском праве

© В. Н. Уруков, 2004

© Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004

Предисловие

Вексель считается одним из уникальных правовых явлений в гражданском праве. Он имеет самое широкое распространение в сфере гражданского оборота как России, так и большинства государств мира. Более того, вексель используется субъектами торгового оборота различных стран. Можно смело утверждать, что вексель, наряду с деньгами, является одним из величайших творений человеческой мысли. Однако в современной России вексель до начала 90-х гг. XX в. практически не употреблялся в связи с известными кредитными реформами 1930–1931 гг. и, как следствие, фактически перестал быть предметом отдельных исследований специалистов.

Ввиду того, что современный вексель мало исследован наукой гражданского права, определение его места имеет научное, теоретическое и практическое значение.

Изучения векселя требуют объективные потребности экономического оборота. Можно согласиться с утверждением профессора Л. А. Новоселовой, полагающей, что «для целей ускорения оборота кредитор заинтересован в скорейшем получении денежных средств. Сохранение их замороженными в коммерческих кредитах в форме отсрочки платежа является непозволительной роскошью для предпринимателей. Торговая практика обыкновенно требовала создания механизмов включения денежной задолженности в оборот... Вексель, к примеру, является не чем иным, как инструментом включения в оборот коммерческой задолженности. Потребность в правовом обеспечении оборота векселей привела к возникновению вексельного права»¹.

Указанные положения не могут не влиять на исследование векселя, его сущности и правовой природы. Эти отношения нуждаются в адекватном теоретическом осмыслении, правовое регулирование которых не всегда обеспечивается действующим законодательством.

В работе предпринята попытка комплексного анализа векселя и системы вексельных обязательств, их разграничения и объяснения взаимосвязей с другими общегражданскими обязательствами, разработаны подходы, объединяющие договорное и внедоговорное происхождение векселя и системы вексельных обязательств, а также обосновывающие возникновение вексельного обязательства в целом с фактом предъявления векселя к платежу (акцепту).

Данная работа не претендует на построение всеобщих дефиниций, которые удовлетворили бы всех. Автор надеется, что она станет еще одной ступенью в решении проблем вексельного обращения. Работа задумывалась как опыт совмещения методов исторического анализа и синтеза, сравнения и других методов для познания векселя и его сущности. В настоящем исследовании предпринята попытка рассмотреть основные проблемы правового регулирования векселя в гражданском праве с точки зрения современной правоприменительной практики и достигнутого уровня науки вексельного права.

Надеемся, что выводы, положения и рекомендации, несмотря на небесспорный и дискуссионный характер, будут положительно восприняты как правоприменительной практикой, так и законодательством, а также будут способствовать дальнейшему развитию теории вексельного права.

¹ Новоселова Л. А. Финансирование под уступку денежного требования // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2000. – № 11. – С. 83.

Глава I. Вексельное обязательство в системе гражданско-правовых обязательств

§ 1. К истории возникновения вексельного обязательства

1.1. Векселеподобные обязательства в римском праве

Вексель – одно из величайших творений человеческой мысли наряду с деньгами – имеет свою многовековую и интересную историю. Абсолютное большинство авторов, как дореволюционных, так и современных, полагают и полагают, что вексель появился в XII–XIII вв. в Италии как результат торгового оборота между различными городами-государствами² и как следствие острой потребности в размене и переводе денег. Это мнение никто из правоведов в юридической литературе под сомнение не ставил и не ставит. В настоящее время оно является чуть ли не аксиомой. Между тем В. А. Белов, в отличие от многих авторов, полагает³, что следы документов, служащих прототипом векселя, обнаружены в Древнем Вавилоне, он также утверждает, что временем рождения векселя нужно считать рубеж XI–XII вв.

Конечно, совсем нелогичной представляется мысль о том, что вексель возник якобы на «совершенно пустом месте», без каких-либо предпосылок со стороны купечества. Получается очень просто: к некоему Ценелю пришла идея избежать перевозки денег – и он придумал вексель. Несомненно, должен был существовать определенный правовой базис, который явился основанием, предпосылкой для возникновения векселя. Таким базисом, возможно единственным, явилось великое римское частное право – общее право всего античного права, право с тысячелетней историей. Несмотря на то, что Великий Рим пал под натиском варваров, римское право не исчезло, а перешло в местное и национальное законодательство под названием рецепция римского права, и его формальное действие в отдельных государствах (например, в Германии) исчезло только к началу XX в.

Все правовое развитие средневековой Европы шло под сильнейшим влиянием римского права, сформировавшего юридическое мышление европейских государств, в том числе Италии, поскольку являлось в то время одним из главных источников любого национального законодательства, особенно в сфере гражданского права. Как справедливо отмечает профессор Г. Ф. Шершеневич, «не следует думать, чтобы итальянское средневековое право совершенно разорвало связи с римским»⁴. По словам Рендара, «оно только удержалось от слепого подражания римскому праву, но сохранило его предания, ссылаясь на его источники, обращалось к глоссам; но в то же время не было недостатка в новых положениях, вызванных развивавшимися потребностями»⁵.

Изучение и анализ источников римского права позволяют с большой вероятностью сделать вывод о том, что нормы векселеподобных сделок были известны римскому праву. Так,

² См., например: *Шершеневич Г. Ф.* Учебник торгового права (по изд. 1914 г.). – М.: Спарк, 1994. – С. 264–266; *Ильин В. В., Макеев А. В., Павлодский Е. А.* Вексельное право. Общие положения и юридический комментарий. – М.: Банковский деловой центр, 1997. – С. 7–8; *Нерсесов Н. О.* О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права // Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 116–167; *Добрынина Л. Ю.* Вексельное право России. – М.: Спарк, 1998. – С. 4.

³ *Белов В. А.* Очерки по вексельному праву. – М.: Статут, 2000. – С. 15.

⁴ *Шершеневич Г. Ф.* Конкурсный процесс. – М.: Статут, 2000. – С. 36.

⁵ *Шершеневич Г. Ф.* Конкурсный процесс. – М.: Статут, 2000. – С. 31.

еще в Законах XII таблиц описываются сделки, содержащие элементы векселя. Например, римскому праву было известно обязательство, которое возникало только в силу устного обещания со стороны лица. Цицерон в трактате «Об обязанностях» (III. 16) указывает, что по XII таблицам считалось достаточным представить доказательства того, что было произнесено при заключении сделки⁶. Так, в Институциях Гая (III. 128–130)⁷ описывается обязательство, возникшее на основании записи в приходно-расходную книгу. Отмечается, что «внесение долга в эту книгу бывает двоякого рода: или от вещи к лицу, или от лица к лицу. Запись от вещи к лицу имеет место тогда, когда то, что ты мне должен по купле, найму или товариществу, я запишу за тобой как сумму, следующую мне. Занесение долга в счетную книгу от лица к лицу имеет место в том случае, когда, например, то, что мне следует с Тиция, я занесу как сумму, тебе уплаченную, т. е. если долг Тиция переводится на тебя». Из этой цитаты ясно, что обязательство, которое основывается на занесении долга в счетную книгу от лица к лицу, напоминает обязательство по простому векселю между векселедателем, первым векселедержателем и последующим индоссантом. В последнем случае также векселедержатель путем совершения надписи передает обязательство векселедателя по уплате денег (долга) следующему лицу – индоссанту. Как и в вексельном обязательстве, при занесении долга в счетную книгу долг передается третьему лицу. Должником третьего лица будет теперь другое лицо. Обязательство между этим и третьими лицами является оторванным от прежних обязательств и основывается только исключительно на записи в книгах. Такую сделку называли *Transscriptio a persona in personam*. Следующая сделка по приходно-расходной книге – *Transscriptio a re in personam*. Обязательство на основании такой сделки возникало уже между двумя субъектами, как правило, между лицами, поддерживающими постоянные деловые отношения, например между поставщиком и покупателем товара. Все данные о поставке и платежи записывались в приходно-расходные книги обоих участников. Периодически обе стороны подводили итоги взаимных расчетов, в результате которых, например, образовывалось в пользу одного из них (продавца) положительное сальдо. Тогда все прежние отдельные сделки ликвидировались, а взамен их стороны записывали у себя соответствующие данные (например, продавец записывал: «дано покупателю 500», а покупатель записывал: «получено от продавца 500»). Таким образом, между сторонами возникало обязательство, которое являлось абстрактным, и при этом никакие возражения, следующие из прежних отношений, не допускались. Обязанности покупателя уплатить формально вытекали только из записи в приходно-расходных книгах.

В классическую эпоху римского права приходно-расходные книги утратили былое значение, на смену им пришли долговые документы (*chirographa* и *syngrapha* (хирографы и синграфы)). Гай (3.134) считал, что «письменное обязательство возникает, по-видимому, вследствие долговых расписок, т. е. если кто напишет, что он должен, или что он дает – конечно так...» Синграфы представляли собой документ, составлявшийся в третьем лице («такой-то должен такому-то такую-то денежную сумму»). В императорский период синграфы стали менее употребительным видом письменного обязательства; на первый план выдвинулись хирографы⁸. Как указывают авторы учебника «Римское частное право»⁹, синграф составлялся в присутствии свидетелей, которые и подписывали его вслед за тем, от чьего имени он составлен. Такая форма письменных обязательств получила широкое распространение уже в эпоху конца республики на почве процентных займов, заключавшихся между римскими ростовщиками и провинциалами. Хирограф составлялся в первом лице («я, такой-то, должен такому-то столько-то») и подписывался должником. Первоначально, как утверждают профессора И. Б. Новиц-

⁶ Памятники римского права. Законы XII таблиц. – М.: Зерцало, 1997. – С. 8.

⁷ Здесь и далее Институции Гая приводятся по: Памятники римского права. – М.: Зерцало, 1997. – С. 16–119.

⁸ Римское частное право: Учеб. / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. – М.: Юристъ, 1997. – С. 385.

⁹ Римское частное право: Учеб. / Под ред. проф. И. Б. Новицкого и проф. И. С. Перетерского. – М.: Юристъ, 1997. – С. 385–386.

кий и И. С. Перетерский, это был документ, имевший только значение доказательства, но затем с ним стали связывать понятие источника самостоятельного обязательства: подписавший документ обязан платить по нему. Эту новейшую форму письменных договоров Гай поясняет так: «*Siq u is debert se aut datum se scribat ita sci liset si co nomine stipulatio non fiat*, т. е. если кто пишет в расписке, что он должен нечто или что он предоставит что-то, то возникает обязательство». Гай дополняет: «Разумеется, если не было по этому обязательству стипуляции, тогда основанием возникновения обязательства были бы стипуляции». Как подчеркивают авторы учебника «Римское частное право», «посредством этих документов устанавливались обязательства, независимо от того, была ли фактически передана та сумма, которую обязуется уплатить подписавший расписку, и вообще не принимая во внимание основания (*causa*), по которым такая расписка выдавалась должником». Гай называет этот ряд обязательств (т. е. позднейший письменный договор в форме *syngrapha* или *chiographa*) свойственным peregrinam, поскольку это была единственная открытая для них форма письменного договора. Характеристика этой формы обязательств, свойственной peregrinam, возможно, объясняется и тем, что эти обязательства возникли именно в практике peregrinorum.

Хирограф имел все характерные признаки простого векселя. Документ составлялся в первом лице и подписывался должником. При этом подписавший документ обязан был платить по нему независимо от того, получил ли должник, подписавший расписку, какую-либо сумму денег. Следовательно, обязательство подписавшего документ возникало независимо от основания, по которому выдавалась такая расписка. Владелец хирографа вправе требовать исполнения того, что написано в долговых документах независимо от каких-либо обстоятельств, в том числе личностных отношений между кредитором и должником. Положение должника по хирографу аналогично положению векселедателя простого векселя, а положение владельца или кредитора – положению векселедержателя. Как и векселедатель в простом векселе, должник, подписавший хирограф, обязан оплатить по нему определенную сумму независимо от основания (*causa*). Держатель хирографа, как и векселедержатель, имеет право требовать уплаты по хирографу, который от современного векселя отличался только тем, что не обладал передаваемостью. Вместе с тем не следует забывать, что вексель в средневековой Италии первоначально не обладал свойством оборотоспособности. Таким образом, можно предположить, что итальянские купцы первоначально использовали простые векселя подобно хирографам. Следовательно, первоначальный вексель мог быть простым, а не переводным. Как гласит закон диалектики, движение всегда идет от простого к сложному. Поскольку переводной вексель по отношению к простому векселю является более сложным правовым явлением, то он мог возникнуть только после появления простого векселя.

В Институциях Гая (III. 131–132) имеется ссылка на так называемые памятные записи займа, именуемые *nomina arcaria*: «Эти записи рожают вещное обязательство, а не письменное, так как обязательство возникает только в силу факта выдачи кому-либо денег; уплата же денег дает основание вещному обязательству, а поэтому мы правильно скажем, что эти памятные записи не рождали обязательства, а только свидетельствовали о том, что обязательство заключено». Как представляется, памятные записи займа, выдаваемые в качестве доказательства уплаты долга должнику, имеют отдельные характерные признаки простого векселя, такие, как абстрактность, формальность и в какой-то мере безусловность.

Помимо указанных примеров римское право знало и другие абстрактные обязательства, возникающие в силу одностороннего обещания, например: *votum* («обет божеству») и *pollicitario* («обещание в пользу городской общины»). Кроме того, одним из самых распространенных в системе римских абстрактных обязательств были так называемые вербальные договоры (*stipulatio*). Как отмечает профессор И. А. Покровский, «на основании *stipulatio* возникало обязательство строго одностороннее: кредитор – только кредитор и должник – только должник. Кредитор может требовать только того, что было обещано. С другой стороны, обяза-

тельство из *stipulatio* есть обязательство абстрактное: оно возникает только вследствие того, что на вопрос кредитора должник ответил „*spondeo*“ (обещаю, клянусь. – В. У.). Почему должник дал такой ответ – это для *stipulatio* безразлично, и ссылаться на те или другие отношения, приведенные к *stipulatio* – на так называемую *causa*, – ни кредитор, ни должник не вправе»¹⁰. Таким образом, стипуляцией назывался устный договор, который заключался посредством вопроса будущего кредитора и совпадающего с этим вопросом ответа будущего должника по обязательству.

Гай характеризует стипуляцию следующим образом (3.92): «Обязательство словами заключается посредством вопроса и ответа, например: обязуешься торжественно дать? Обязуюсь торжественно дать? Дам. Обещаешь? Обещаю. Даешь ли честное слово исполнить свое обещание? Даю честное слово. Ручаешься? Ручаюсь. Сделаешь? Сделаю»¹¹. Стипуляция порождала строгое обязательство, которое зависело только от того, что было произнесено. При споре между сторонами какие-либо возражения не принимались. По этому поводу Гай пишет (4.116): «...если бы ты обязал меня стипуляционным образом отсчитать тебе деньги будто займы, и я бы не отсчитал; не подлежит сомнению, что я могу от тебя потребовать эти деньги, ты должен их дать, так как ты обязан в силу стипуляции...»¹² Формальные начала требовались и в отношении самого содержания обязательства, которое подлежало строгому буквальному толкованию. Кроме того, формальный характер стипуляции действовал только на участвовавшие в ней стороны, и ввиду этого условия стипуляции не могли быть возложены на третьих лиц. По стипуляции кредитор мог требовать только того, что было обещано.

Таким образом, стипуляция порождала обязательство строго одностороннее. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что стипуляция по займу денег имела многие свойства современного простого векселя: одностороннее обещание; абстрактность, т. е. не требовалось какого-либо основания сделки; не играла какой-либо роли в разрешении спора и межличностных отношениях между кредитором и должником; была строго формальной, поскольку исключительное значение имело буквальное значение произнесенного вопроса и ответа; для взыскания по обязательству кредитора было достаточно доказать факт стипуляции. В связи с этим справедливо утверждение профессора И. А. Покровского о том, что «во многих отношениях стипуляция представляла для деловых людей незаменимые удобства (вроде современного векселя): часто ради этих удобств (доказывания, строгость иска и т. д.) стороны и другие обязательства (например, долг из купли-продажи) превращали в обязательства стипуляционные (*novatio*) – совершенно так же, как в наше время облачают форму векселя. И можно даже определить *stipulatio* в этом отношении как устный вексель»¹³.

Очевиден вывод: векселеподобные обязательства, обязательства с признаками современного векселя, первоначально возникли и развивались в римском праве. Первым векселеподобным документом был хирограф, а обязательство, которое полностью совпадало с вексельным, являлось обязательством из стипуляции. В дальнейшем, вероятнее всего, они были использованы первоначально итальянскими купцами в коммерческом обороте, поскольку разработанная римским правом система обязательств, в том числе векселеподобных, прежде всего, отвечала запросам и потребностям товарного производства. С учетом вышеизложенного полагаем, что первоначальным векселем мог быть только простой вексель, а не переводной, поскольку, во-первых, в векселеподобных обязательствах участвовало только два субъекта – кредитор и должник, и, во-вторых, в природе и обществе движение идет от простого к сложному, т. е. переводной вексель как более сложное правовое явление не мог возникнуть ранее простого

¹⁰ Покровский И. А. История римского права. – СПб.: Летний сад, 1999. – С. 395.

¹¹ Памятники римского права. Институции Гая. – М.: Зерцало, 1997. – С. 98.

¹² Памятники римского права. Институции Гая. – М.: Зерцало, 1997. – С. 140.

¹³ Покровский И. А. История римского права. – СПб.: Летний сад, 1999. – С. 396.

векселя. Этой точки зрения придерживается В. А. Белов, правда, с некоторыми оговорками. Он полагает, что имевший хождение в средневековой Италии вексель по содержанию был сходен с простым векселем, а условием возникновения и существования простого векселя является развитие личного кредита. Если он перерастает в вещный кредит, на место простого векселя становится переводной и т. д.¹⁴ Позднее, после римского периода, в начале средних веков появляется третий субъект – плательщик, или исполнитель обязательства, т. е. вексель приобретает черты переводного векселя.

1. 2. Трансформация векселя с VI по XX в.

К началу средних веков относится следующий этап развития векселеподобных документов и обязательств. Примерно с VI в. в оборот был введен письменный документ, по которому должник обязывался уплачивать определенному кредитору или по его приказу¹⁵. Как указывает профессор Н. О. Нерсесов, «эти бумаги по сути являлись ордерными бумагами. Ордерные бумаги, где, наряду с определенным заранее кредитором, сделана оговорка „по его приказу“», так что должник заранее дает обещание исполнить обязательство как перед первоначальным кредитором, так и перед последующими владельцами, получившими документ от первого. Следовательно, отмечает исследователь, «должник обязан отвечать не всякому предъявителю документа, а лишь такому, который докажет правильность перехода к нему документа с согласия первого». По мнению профессора, происхождение этих бумаг относится к началу средних веков. С VI по XIII в. форма их была следующая: должник обязывался уплачивать определенному кредитору или «*cui dederit hanc cautionem ad exigendum*», или «*aut cui in manu miseris*», или «*vel cui ordinaueris, vel cui praesceperis*». Из приведенных формул видно, что владелец документа, по Н. О. Нерсесову, должен был получить его с согласия первоприобретателя. Следовательно, в каждом случае требовались доказательства правильного перехода документа. Факт существования такого ордерного документа, очень близкого по своему значению векселю, по словам исследователя, упоминается авторитетными немецкими учеными в работах: «*Poschinger. Beitrag zur Geschichte der Inhaberpapire in Deutschland*»; *Eigenbrodt. «Jahrbucher fur die Dogmatik des heutigen Romischen Privatrecht*». Ученый приходит к выводу о том, что вексель как ордерная ценная бумага появился в VI в. н. э., т. е. намного раньше, чем считалось. По его мнению, индоссамент для быстрой передачи ордерных ценных бумаг был изобретен только в начале XVII в. французами, поскольку удобнее было установить доказательства перехода путем надписи на оборотной стороне документа; отсюда и название такой передачи – «индоссамент». Таким образом, первоначальным типом был не переводной, а простой вексель, поскольку в обязательстве по ордерной бумаге могли участвовать только два субъекта: кредитор и должник.

Активное использование векселя в торговом обороте в Италии, по словам профессора Г. Ф. Шершеневича¹⁶, относится к XII в. Как известно, в тот период Италия была раздроблена, отсутствовало единое государство и, следовательно, единые деньги (как необходимый и нужный атрибут любого централизованного государства). В Италии существовали и процветали присредиземноморские города-государства, которые активно вели торговую деятельность как с иностранными странами, так и между собой. Каждое государство чеканило свои монеты, и в связи с этим в обращении находилась масса различных монет. Торговцы постоянно нуждались в наличных денежных знаках той или иной области Италии. В этот период действовали многочисленные конторы по обмену денег. Разменявший деньги вез их с собой в то место, где

¹⁴ См.: Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: Статут, 2000. – С. 15–19.

¹⁵ Нерсесов Н. О. Представительства и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 144.

¹⁶ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. – М.: Статут, 1994. – С. 266–269.

они ему были нужны для закупки товаров или для проживания, что было неудобно и небезопасно. Тогда появилась мысль избежать перевозки денег (на наш взгляд, именно используя имеющиеся в тот период оборотные письменные документы). Обменная контора обещала вернуть переданную монету в установленное время и в установленном месте. Это было возможно благодаря имеющимся связям между такими конторами и их соглашению покрывать взаимно приказы об уплате денег, а потом периодически проводить между собой расчеты. В удостоверение права на получение эквивалентных денег выдавалась расписка. При этом лицо, получившее наличные деньги и выдавшее расписку, не являлось плательщиком, а действовало как гарант исполнения обязательства по расписке. Такой документ имел многие признаки современного переводного векселя.

В процессе эволюции человеческого общества и усложнения экономического оборота вексель совершенствовал свою форму и в дальнейшем стал орудием кредита и надежным средством платежа и получения долга. К концу XVI в. вексель приобрел почти все свои основные современные черты и распространился по всей Европе.

Первым и основным типом векселя, по мнению Г. Ф. Шершеневича, явился французский вексель: «Французское вексельное законодательство характеризовалось тем, что вексель стал оборотным документом. До этого вексель хотя и обладал передаваемостью, но его оборотоспособность была ограничена. Оборотоспособность векселя достигалась путем совершения надписи на обороте документа (*in dasso*), называемой индоссаментом. Индоссаментом передавались все права по векселю. Индоссамент был признан во Франции сначала законом 1654 г., а впоследствии – торговым уставом 1673 г., окончательное и всеобщее распространение приобрел по французскому торговому кодексу 1807 г. При этом по французскому вексельному законодательству передача векселя по надписи допускалась только с согласия векселедателя, выраженного в самом векселе. Каждый надписатель отвечал только перед тем, кому он сам передал вексель. В дальнейшем был допущен регрессный иск к любому из надписателей, минуя предшественника, однако при этом истец терял право регресса к надписателям, которых он пропустил»¹⁷.

Французский вексель¹⁸ имел следующие особенности.

1. В векселе отражались отношения между трассантом (векселедержателем переводного векселя – тратты) и ремитентом (лат. *remittens*; в пользу которого выписан переводной вексель – тратта), первым векселедержателем, т. е. указывалось основание выдачи векселя.

2. На вексель влияли отношения между передающими и приобретающими вексель по индоссаменту (требовалось обязательное указание в надписи имени приобретателя векселя и получателя валюты).

3. На вексель также влияли отношения между трассантом и трассатом (плательщиком по переводному векселю).

4. В обращение допускались только векселя, отражающие результаты торговых сделок.

Таким образом, чтобы вексель обладал юридической силой, должны были присутствовать взаимные финансовые обязательства между участниками вексельных отношений, которые возникали из торговых сделок.

Следующим типом явился вексель¹⁹, история которого начинается с принятия общегерманского вексельного устава 1847 г.²⁰ Профессор Г. Ф. Шершеневич выделил следующие черты германского типа векселя.

¹⁷ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. – М.: Статут, 1994. – С. 267.

¹⁸ Французский вексельный устав // Журнал гражданского и торгового права. – 1871. – Кн. 4. – С. 697–723.

¹⁹ Французский вексельный устав // Журнал гражданского и торгового права. – 1871. – Кн. 4. – С. 268.

²⁰ Общегерманский вексельный устав / Нем. текст с рус. пер. А. Книрима. – СПб., 1879.

1. Главной его особенностью являлось то, что он признавался абстрактным обязательством, совершенно оторванным от своего основания (французский вексель требовал указания, по какому основанию он выдан).

2. Германский вексель предполагается обладающим свойством передаваемости, пока иное не установлено волей векселедателя (во французском векселе передаваемость устанавливалась только волей векселедателя). Кроме того, формальная вексельная строгость, характерная для французского векселя, была заменена материальной вексельной строгостью, по которой все условия, указанные в векселе, имеют силу достоверности, а те, которые не нашли отражения в документе, не имеют значения для вексельного обязательства, т. е. действует принцип: «Чего нет в векселе, того не существует в мире».

Вторая половина XIX в. характеризуется тем, что в юридической литературе России и европейских государств, как правило, под влиянием трудов германских правоведов активно изучался и разрабатывался вопрос о юридической сущности ценных бумаг и векселя в частности.

Вопрос о правовой природе ценных бумаг всегда считался одним из сложных в цивилистике. Как указывает Н. О. Нерсесов²¹, в XIX в. под влиянием в основном немецких юристов были выработаны две теории возникновения ценных бумаг: договорная теория и теория одностороннего обещания. Основателем договорной теории ценной бумаги являлся Савиньи, который в своем труде «Обязательственное право», по мнению Н. О. Нерсесова, утверждал: «Договор, как известно, есть совместное соглашение двух договаривающихся волей. До этого момента нет договора; воля каждой стороны, в отдельности взятая, не составляет еще договора: необходимо их единение». С кем же договаривается выдаватель бумаги на предъявителя? Согласно Савиньи, «Cum incertam personam». Как отмечает Н. О. Нерсесов, другие юристы подвергли теорию частного договора некоторым видоизменениям, а именно: для действительности ценных бумаг как юридического акта, кроме договорного соглашения как первоначального основания их возникновения, требуется передача документа в руки другого лица – приобретателя. Следовательно, простая подпись должника под документом не придает последнему юридической силы, необходимо принятие его противной стороной, другими словами, требуется tradito документа. Но и эта теория, будучи в своем основании договорной, в некоторых случаях не дает удовлетворительного ответа. Например, если бумага на предъявителя перешла помимо воли должника (выдавателя документа) в чужие руки и стала циркулировать, то каково должно быть положение последующих добросовестных приобретателей? Поскольку бланковый вексель фактически является бумагой на предъявителя, то вышеизложенное полностью распространяется и на него.

Договорная теория Савиньи была развита в работах Бруннера, Унгера, Голстшмидта и др. Так, по мнению Бруннера, юридическая сделка возникает не с момента изготовления документа, а с момента традиции: «Tradito facit logui chartam», т. е. вексель, хотя и был подписан векселедателем, не устанавливал обязательства. Таким образом, для того чтобы вексель породил какое-либо обязательство, необходимо принять его противной стороной. Юридическое действие векселя начинается только с переходом в чужие руки. Как полагал Унгер, бумаги на предъявителя суть литеральных контрактов современного права, дальнейшая передача которых совершается на основании новации с переменой личности кредитора.

Как подчеркивает Н. О. Нерсесов²², в отличие от договорной теории сторонники одностороннего обещания склонялись к мнению, что ценные бумаги возникают благодаря односторонней воле должника. Последний изготавливает бумагу, подписывает ее и таким образом

²¹ Нерсесов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права // Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 200.

²² Нерсесов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права // Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 200–204.

создает новую ценность, которая наступает лишь с переходом документа в руки другого. Один из основоположников этого учения – Кунце – обосновал тезис о том, что документ, ценная бумага получают юридическую жизнеспособность благодаря односторонней воле должника. Таким образом, документ как таковой считается действительным благодаря воле должника, односторонне в нем выраженной, но практическое действие его парализовано до тех пор, пока он не перейдет в руки приобретателя²³.

Обобщая теорию одностороннего обещания, Н. О. Нерсесов²⁴ на основе работ Иеринга и других немецких ученых обращает внимание на следующее: все существующие в германской юридической литературе мнения по данному вопросу соответствуют одной из двух приведенных теорий (договорная теория, теория одностороннего обещания) и различаются между собой лишь в частности. Иеринг утверждает, что бумага на предъявителя есть лишь юридически обеспеченное средство к установлению обязательства. Владелец бумаги находится относительно обязательства в таком положении, как делаторий (наследник по закону) относительно открывшегося наследства, оба имеют право приобретения: в одном случае это право передаваемое, в другом – нет. Как тестаментарный наследник (наследник по завещанию) в римском праве мог вступить во владение через посредство своего раба, так и владелец бумаги на предъявителя данного обязательства – через посредство бумаги. Главное положение Иеринга о том, что владение документа не заключает еще в себе какое-либо право, а есть лишь средство к установлению такового, является неподтвержденным. Напротив, право требования по документу возникает именно с момента приобретения самого документа. Беккер, указав слабые стороны договорной теории, уточняет, что всякий владелец бумаг на предъявителя не имеет никаких отношений с предшественниками, от которых получены данные бумаги; свое право владелец получает не от предшественника, а от самой бумаги. Следовательно, право требования здесь связано с бумагой. Анализируя взгляды Штейна, профессор Н. О. Нерсесов пришел к выводу, что с бумагами на предъявителя появилось новое юридическое понятие – абсолютная обязанность, в противоположность абсолютному праву. Как уполномоченный субъект абсолютного права в случае нарушения своего права имеет исковую защиту против всякого, так и в бумагах на предъявителя должник принимает на себя абсолютную обязанность против всякого. Из абсолютного права возникают различные активные притязания против обязавшегося²⁵, которые заставляют его выполнять обещания. Эта абсолютная обязанность есть первоначальный источник дальнейших обязанностей.

Как указывает Н. О. Нерсесов, представителем четвертой точки зрения является Carlona, стоящий вне указанных теорий. По его мнению, для окончательного изготовления документа необходимо прибавить еще «нечто». Это «нечто» заключается в договоре передачи («Begebungvertrag»), а не в выпуске его обращения («Emission»), не в добросовестном приобретении права собственности на изготовление документа со стороны легитимированного к тому лица.

Закрывающаяся в документе обязательственная воля юридически устанавливается как неизменяемая лишь с того момента, когда третье лицо приобретает право собственности на документ. Согласно мнению большинства юристов, к этому моменту приурочивает он и свойство кредитора. Кредитором по бумаге на предъявителя считается тот, кто является собственником бумаги.

По словам Н. О. Нерсесова, вышеназванные теории и взгляды авторов на юридическую природу ценных бумаг, в том числе на вексель, имеют существенные недостатки. Так, Брун-

²³ Нерсесов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права // Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 200.

²⁴ Нерсесов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права // Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 201–203.

²⁵ Нерсесов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права // Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 203.

нер²⁶ («договорная теория») не различает два момента в ценных бумагах: возникновение и приобретение прав по ним²⁷. Традиция необходима для второго, а не для первого. Критикуя позицию Унгера, Н. О. Нерсесов подчеркивает, что по его договорной теории последний владелец документа может потребовать исполнения по нему, если докажет правильность всех предыдущих передач. Но так как это трудно сделать, то со стороны предъявителя документа достаточно сослаться на добросовестное владение, указывая как бы на заключение им договора с предшественниками, следовательно, и на правомочие его требования к исполнению. Таким образом, Унгер, видя затруднения в договорном характере бумаг на предъявителя, старается обойти их, прибегая к произвольным предложениям²⁸.

Как отмечает Н. О. Нерсесов, мнение Иеринга отличается больше оригинальностью, чем основательностью. Главное утверждение Иеринга о том, что владение документа не заключает еще в себе какое-либо право, а есть лишь средство к установлению такового, является голословным. Наоборот, право требования по документу возникает именно с момента приобретения самого документа, а процитированное мнение Беккера полностью отрицает основные моменты гражданских правоотношений. Предлагаемое Штейном понятие абсолютной обязанности – понятие новое, но оно ничего общего с правом не имеет. По мнению Н. О. Нерсесова, в области права не может иметь место абсолютная обязанность данного лица как понятие чисто этическое. Нельзя представить себе человека, к которому всякий мог бы обратиться с правом требования. Тезис Carlin, что должник может исполнить обязательства всякому предъявителю, но в то же время обязан исполнять его только собственнику документа, заключает в себе логическое противоречие. Предоставление должнику права требовать на свой риск доказательства легитимаций от предъявителя документа идет вразрез с жизненными целями бумаг на предъявителя.

Следует констатировать, что цивилисты дореволюционной России неоднозначно подходили к теории возникновения векселя как ценной бумаги. Одни авторы твердо стояли на позиции договорного характера векселя, другие считали его обязательством, вытекающим из одностороннего обещания.

Например, профессор Г. Ф. Шершеневич определяет вексель как одностороннее обязательство, основанное на договоре и выраженное в письменной, строго определенной форме²⁹. Но в литературе того периода из всех теорий о природе ценной бумаги доминировала теория одностороннего обещания или односторонней воли, согласно которой выдавший обязан, потому что он создал бумагу³⁰. Одним из основных сторонников этой точки зрения и был профессор Н. О. Нерсесов, который сформулировал вывод о том, что бумаги на предъявителя (а выдача бланкового векселя равносильна выдаче ценной бумаги на предъявителя) – суть одностороннего формального обязательства, циркулирующего в обороте, подобие реальных вещей³¹. Как справедливо указывает профессор Б. Б. Черепяхин в труде «Юридическая природа векселя и Положение о векселях 1922 года», «все многообразие теорий, предложенных для разрешения этого вопроса, при всем их расхождении, может быть сведено к двум основным направлениям, с большими или меньшими модификациями в пределах каждого из них: теории договорной и теории одностороннего волеизъявления. Представители последней, в свою очередь, расходятся между собой в деталях, сходятся в признании односторонне-де-

²⁶ Brunner H. Die Wertpapiere. Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. – Leipzig, 1882.

²⁷ Нерсесов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права // Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 195.

²⁸ Нерсесов Н. О. О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права // Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 195.

²⁹ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. – М.: Спарк, 1994. – С. 260.

³⁰ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. – М.: Спарк, 1994. – С. 176.

³¹ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. – М.: Спарк, 1994. – С. 206.

лично характера векселя: это теория креации (создания), теория эмиссии (выпуска), передачи и уступки (*Begebungs – oder Aushandigungstheorie*), теория добросовестного приобретения (*Redlich – reitstheorie*) и другие»³².

К сожалению, мы должны констатировать, что после революции и до настоящего времени вопросы возникновения и происхождения векселя, юридической природы векселя и вексельного обязательства не являлись предметом самостоятельного исследования советских, постсоветских ученых-правоведов, вследствие чего названная проблема не нашла достойного отражения ни в науке, ни в литературе. В изданных в последние годы в России произведениях по векселистике авторы в редких случаях рассматривают договорное происхождение векселя (основываясь на произведениях Г. Ф. Шершеневича, теории Савиньи), и, как правило, их выводы учитывают взгляды на вексель как одностороннюю сделку или как одностороннее обещание, основанные на произведениях Н. О. Нерсесова, Кунце и др.

Таким образом, подавляющее большинство авторов (как дореволюционных, так и современных) определяют вексель как одностороннюю сделку или одностороннее обещание. Только отдельные дореволюционные правоведы, например Г. Ф. Шершеневич, обосновывали тезис о договорном происхождении векселя. Из современных ученых мало кто исповедует эту теорию. В виде исключения из этого правила следует отметить позицию В. А. Белова, который твердо отстаивает в своих многочисленных работах идею возникновения переводного векселя на основе договора³³, поскольку, по его мнению, содержание переводного векселя – «предложение векселедателя плательщику» – представляет собой оферту, т. е. предложение заключить договор в пользу третьего лица. Остается только сожалеть, что В. А. Белов распространил положение о возникновении переводного векселя на основе договора только на отношения между векселедателем и акцептантом, хотя элементы договора имеются и в других вексельных отношениях, на чем подробнее мы остановимся ниже. Справедливости ради, следует отметить, что Н. А. Крутицкий в работе «Основания возникновения вексельного обязательства»³⁴, на наш взгляд, убедительно обосновал договорную теорию возникновения вексельного обязательства. Остается только сожалеть, что впоследствии он изменил свою точку зрения и категорически выступил против договорного происхождения вексельного обязательства³⁵. Ряд авторов (Е. А. Крашенинников, В. В. Грачев и др.) также не принимают концепцию договорного происхождения переводного векселя³⁶, не учитывая складывающуюся судебную и судебно-арбитражную практику, в известной мере признающую договорный характер векселя. Полагаем, что вексель как договор нельзя отнести в полной мере ни к одному из видов договоров, предусмотренных ГК РФ. В связи с этим следует отметить, что при кажущейся простоте вопросы происхождения векселя и вексельного обязательства, их места в гражданском праве являются достаточно сложными и требуют более глубокого и детального исследования с учетом достигнутого на сегодняшний день уровня цивилистики и векселистики как одного из ее разделов.

Таким образом, основные исследования по возникновению ценных бумаг, в том числе векселей, в XIX в. проводились учеными-юристами Германии³⁷. Для этого были соответствующие условия: использование пандектов (в Германии вплоть до начала XX в. действовало пандектное право), высокий уровень развития цивилистики. Все учения о ценных бумагах, зародившиеся в Германии, можно было объединить в две большие группы: одна признавала

³² Черепашин Б. Б. Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. – С. 33.

³³ См. например: Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: Юринфор, 2000. – С. 69.

³⁴ Крутицкий Н. А. Основания возникновения вексельного обязательства // Правоведение, 1999. – С. 92–104.

³⁵ Крутицкий Н. А. Основания возникновения вексельного обязательства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – С. 17–18.

³⁶ См., например: Крашенинников Е. А. Содержание переводного векселя // Очерки по торговому праву. – Ярославль, 1998. – С. 3.

³⁷ Brox H. Handelsrecht und Wertpapierrecht. – Munchen: C. H. Beck, 1999.

основой ценной бумаги – договор, другая – одностороннюю юридическую сделку должника. Нельзя сказать, что в России не уделялось соответствующего внимания происхождению ценных бумаг – достаточно назвать труды Н. О. Нерсесова, Г. Ф. Шершеневича, А. М. Нолькена и др. Но, к сожалению, учеными-юристами дореволюционного периода так и не были выдвинуты какие-либо теории происхождения ценных бумаг, в том числе векселя. В основном ученые выступали как популяризаторы и критики юридических исследований по данной проблематике ученых-юристов Германии, чье положительное влияние дает о себе знать и в настоящее время.

Указанные теории, прежде всего, анализировали бумаги на предъявителя. Но поскольку вексель с бланковым индоссаментом имеет все свойства ценной бумаги на предъявителя, то данные теории и юридические обоснования можно полностью применить и к бланковым векселям.

Существуют конкретные учения, теории о правовой природе возникновения векселя независимо от его типа. Мы хотели бы остановиться на исследованиях одного из крупных российских векселистов В. А. Белова, основанных на трудах профессоров В. Д. Каткова³⁸, В. В. Черепихина³⁹ и др. Они соответствуют объективным реалиям, сложившимся в дореволюционной и послереволюционной векселистике. Как справедливо утверждает В. А. Белов⁴⁰, «все теории, объясняющие вексельное обязательство, могут быть разделены на договорные и внедоговорные, а именно: теории, которые признавали для возникновения вексельного обязательства необходимым волеизъявление как выдающего, так и принимающего вексель, и теории, которые считали последний момент несущественным».

1. Основой договорной теории является понимание вексельного обязательства как договорного: векселедатель на основании некоего предварительного соглашения с векселедержателем согласен выдать, а векселедержатель на том же основании согласен принять вексель. Родоначальником договорной теории стал Тель; в числе его последователей можно назвать Бруннера⁴¹, а также Гарейса, Гербера, Гольдшмидта, Зола, Лемана, Регельсбергера, Рено и др.

2. Теория креации (создания) векселя, или теория одностороннего обещания, возникла как реакция на договорную теорию векселя. Как считает В. А. Белов, родоначальником этой теории является Кунце, а его сторонниками – Воргард, Дернбург, Иеринг, Келлер, Козак, Рану, Штейн, Эндермен, Якоби. Согласно этой теории вексель считается таковым с момента его создания и попадания в обращение, т. е. с момента отрыва от бумаги по выполнению его составителем. Как произошло это «выбывание» (был ли вексель выдан, потерян, украден, отнят), юридического значения не имеет. Следствием этой теории стало наделение векселя свойствами абстрактности и крайней формализации, а также наивысшей степенью публичной достоверности.

3. «Собственно креационная» теория объявляет вексельное обязательство, возникшее с момента его составления, что не требует даже его выдачи. Самым существенным недостатком, которым, по мнению В. А. Белова, страдает эта теория, является невозможность решения вопроса о том, кто же является кредитором по векселю в тот момент, когда он составлен, но еще не выдан.

4. Иные разновидности креационных теорий.

4.1. Теория честности Грюнгута, суть которой – вексельное обязательство в силу добросовестного приобретения векселя. Сторонник этой теории В. М. Гордон отмечал: «...вексельное обязательство создается односторонним волеизъявлением со стороны векселедателя; созданное же вексельное обязательство может не иметь силы в отношении данного приобрета-

³⁸ Катков В. Д. Общее учение о векселе: Юридическое исследование. – Харьков, 1904.

³⁹ Черепихин В. В. Юридическая природа векселя и Положение о векселях 1922 года. – М.: Право и жизнь, 1923. – С. 3–120.

⁴⁰ Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: Юринфор, 2000. – С. 50–55.

⁴¹ Brunner H. Die Wertpapiere. Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. – Leipzig, 1882.

теля, если будет отвергнута его добросовестность... Юридическая природа и векселя, и бумаг на предъявителя объясняет таким образом креационную теорию с поправкой о добросовестных держателях»⁴².

4.2. Теория доставления собственности Лемана, согласно положениям которой вексельное обязательство возникает перед каждым конкретным держателем в силу любого юридического акта, способного породить право собственности на вексель. Как утверждает В. А. Белов, «данная теория замечательна тем, что она вполне согласуется как с вещно-правовой, так и с обязательственной природой векселя как ценной бумаги, а также учитывает такой аспект, как добросовестность (честность) приобретателя».

4.3. Теория деликта Шлоссмана утверждает, что вексельное обязательство возникает не тогда, когда составлено или выдано, а когда оно не исполнено.

4.4. Теория формального акта Либе считает непринципиальным вопрос о договорной или внедоговорной природе векселя. Вексель и вексельное обязательство возникают и существуют при наличии формального акта – документа, являющегося векселем. Как справедливо отмечает В. А. Белов, «теория Либе не отвечает на главный вопрос: существует ли вексельное обязательство в период утраты векселя без его физического уничтожения или в тот момент, когда он составлен, но никому не выдан?»

5. Теория эмиссии (выдачи) векселя. Как полагает В. А. Белов, «данная теория является компромиссом между креационной и договорной теорией. К этой позиции склонялись многие русские цивилисты; ее придерживались и уставы о векселях Российской империи 1832 и 1902 гг. Приобретение прав по векселю в момент его выдачи, правда, ограничивалось русскими цивилистами одной оговоркой: приобретение должно быть добросовестным. Вексель, выпущенный из рук векселенаписателем, даже насильно у него отнятый, приобретает вексельную силу, если первый приобретатель векселя является добросовестным владельцем, т. е. не знает о том дефекте, которым сопровождался выход векселя из рук векселенаписателя»⁴³.

6. Теория, воплотившаяся в российском законодательстве. Как полагает В. А. Белов, действующее Положение о переводном и простом векселе *занимает промежуточную позицию между креационной и эмиссионной теориями*. С одной стороны, теория не требует выдачи векселя его приобретателем (т. е. отвергает эмиссионную теорию), с другой – допускает возражения недобросовестному приобретателю, зачеркивание индоссаментов и акцепта, что означает отступление от креационной теории. Такого же рода отступление, по мнению В. А. Белова, позволяет считать ее гибридом теории Грюнгута и Лемана с названием типа «теория добросовестного приобретения собственности на вексель». С последними суждениями В. А. Белова мы не можем полностью согласиться. Этот вопрос и является предметом нашего исследования. Существуют и другие теории, их очень много, но нет смысла останавливаться на каждой из них в отдельности, поскольку все они являются производными от двух основных теорий: договорной теории и теории одностороннего обещания.

Качественный теоретический поиск нового о возникновении векселя и вексельного обязательства, их места в современном российском гражданском праве возможен только на основе четкого понимания того, что вексель является сложным и уникальным правовым явлением. Невозможно полностью понять вексель, не исследовав всех его составляющих. Изучению указанных проблем посвящена настоящая работа. Проанализировав все современные теории о векселе, можно сказать, что они в основном, как и в XIX в., объединены в две группы: договорная теория происхождения векселя и теория одностороннего обещания. Наша задача – показать и доказать, что в векселе одновременно присутствуют не только договор, но и односто-

⁴² Гордон В. М. Вексельное право. – Харьков, 1926. – С. 88–90 (цит. по: Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: Юринфор, 2000. – С. 52–53).

⁴³ Каминка А. И. Устав о векселях: Закон от 27 мая 1902 года с разъяснениями. – 2-е изд. – СПб., 1911. – С. 96 (цит. по: Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: Юринфор, 2000. – С. 55).

роннее обещание (односторонняя сделка), причем вексель в обороте не может существовать в отсутствии хотя бы одной из составляющих.

§ 2. Понятие векселя в российском гражданском праве

По прошествии шести десятилетий, на протяжении которых вексель был практически полностью забыт в нашей стране, он восстановлен в правах, и с полной уверенностью можно утверждать, что в настоящий момент в России формируется вексельный рынок. Несмотря на то, что развитие вексельного рынка в России насчитывает чуть более десяти лет, вексель сразу же получил самое широкое распространение и занял весьма заметное место в деятельности различных предпринимательских структур и на рынке ценных бумаг. Роль векселя в хозяйственном обороте России обусловлена, прежде всего, тем, что благодаря своим уникальным свойствам он пользуется огромным спросом у субъектов предпринимательства. Как указывалось выше, вексель является одним из наиболее известных финансовых инструментов, возникших еще в римском праве и получивших дальнейшее развитие в средние века, активно используемых в мировом коммерческом обороте в наши дни. Поскольку вексельное право зарождалось и развивалось как международное, то вексель как ценная бумага и особый вид платежного долгового обязательства получил заслуженное признание в международной торговле.

В гражданском обороте вексель выполняет различные функции. Хотя он и применяется как платежное средство, но полностью отождествлять его с наличными деньгами нельзя, поскольку после наступления срока платежа появляется потребность в денежных средствах. Следует отметить, что в литературе очень часто вексель рассматривается либо как один из банковских инструментов⁴⁴, либо как один из видов ценных бумаг⁴⁵. Вексель используется как средство предоставления кредита, главным образом коммерческого.

Традиционно в российском гражданском праве вексель рассматривается в нескольких аспектах. Во-первых, вексель является объектом гражданских правоотношений (ст. 128 ГК РФ), поэтому он может выступать самостоятельно как ценная бумага, поскольку в соответствии со ст. 143 ГК РФ относится к числу ценных бумаг. В отдельных случаях вексель является вещью, которая не обращается в качестве ценной бумаги, а лишь выступает предметом гражданско-правовых сделок: договора купли-продажи, мены, дарения, т. е. участвует в гражданском обороте, как и любая другая оборотоспособная движимая вещь, имеющая стоимостную оценку⁴⁶. В силу ст. 815 ГК РФ вексель является доказательством заключения договора займа в случаях, когда в соответствии с соглашением сторон заемщиком выдается вексель, удостоверяющий ничем не обусловленные обязательства векселедателя (простого векселя) либо иного указанного в векселе плательщика (переводного векселя) уплатить по наступлении предусмотренного векселем срока полученные займы денежные суммы. И, наконец, в цивилистике вексель рассматривается как абстрактное, безусловное, формальное обязательство⁴⁷. Кроме того, под векселем понимают сделку. С учетом вышесказанного представляется очевидным, что вексель по своей правовой природе – явление сложное. Когда мы говорим о векселе, то в одних случаях подразумеваем объект гражданских прав: ценную бумагу или движимую вещь, а в других – гражданско-правовое обязательство или правоотношение. В третьем случае вексель выступает как доказательство заключения договора займа. Кроме того, под векселем понимают гражданско-правовую сделку как одностороннюю, а также двух- и многостороннюю (договор). В литературе имеются и другие точки зрения на природу векселя. Например, немецкий ученый Эйнерт (Einert. «Das Wechselrecht nach dem des Wechselgeschäfts in 19 Gahrhundert 1839»)

⁴⁴ См., например: *Мелкумов Я. С.* Вексель и его использование в хозяйственном обороте. – М., 1995.

⁴⁵ См., например: *Миркин Я. М.* Ценные бумаги и фондовый рынок: Учеб. – М., 1995.

⁴⁶ См.: *Уруков В. Н.* Российское вексельное законодательство и практика его применения. – Чебоксары, 2000. – С. 89.

⁴⁷ См., например: *Гудков Ф. А.* Вексель. Дефекты формы. – М.: ИКП, 2000. – С. 17–101.

считает его торговыми деньгами. Кроме того, вексель очень популярен как средство расчета с контрагентами, коммерческого кредита и т. п. Приведенные мнения тяготеют к институтам экономической науки, финансового права, и данная тема, безусловно, заслуживает отдельного изучения в системе этих наук. В нашей работе вексель рассматривается как правовая категория, как институт современного российского гражданского права.

Таким образом, в науке и литературе к настоящему времени нет однозначного понимания векселя. У представителей экономической науки, науки финансового права и цивилистики «вексель» ассоциируется с разными понятиями, возможно, противоположными. В действующем российском законодательстве содержатся только отдельные и неполные законоположения о векселе и вексельных обязательствах, но нельзя найти определения общего понятия векселя. Только из ст. 815 ГК РФ частично можно сделать вывод о том, что вексель является ничем не обусловленным обязательством векселедателя (простого векселя) либо иного указанного в векселе плательщика (переводного векселя) выплатить по наступлении предусмотренного векселем срока денежные суммы. Сама по себе эта норма не раскрывает понятия векселя, а только указывает на одно из его свойств, и по ней нельзя судить о ее распространении на другие гражданские правоотношения, кроме займа. Исходя из ст. 142, 145, 146 ГК РФ о векселе можно говорить как об ордерной ценной бумаге, которая является документом, удостоверяющим с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении. Понятие векселя также не раскрыто в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 декабря 2000 г. № 33/14 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей»⁴⁸. В связи с этим как для науки гражданского права, так и для практики актуальным является стремление сформулировать правовое понятие векселя, чтобы в последующем не только восполнить пробелы в действующем законе, но и устранить разноречивые понятия векселя как среди практикующих юристов и экономистов, так и среди ученых, правоведов и других специалистов.

Как полагает А. А. Вишневский, «вексель – это ценная бумага, в которой содержится безусловное, абстрактное и строго формальное обязательство или предложение уплатить определенную сумму»⁴⁹. По мнению В. А. Белова, «вексельными обязательствами называются гражданские правоотношения, возникающие между: во-первых, всяким добросовестным приобретателем права собственности на вексель и лицом, подписавшим вексель, и, во-вторых, всяким добросовестным приобретателем права собственности на копию векселя и лицами, давшими подлинные подписи на копию»⁵⁰. При этом В. А. Белов дает понятие «вексельного обязательства», но, к сожалению, не раскрывает понятия самого векселя. И. В. Рукавишников исходит из того, что переводной вексель – это «ничем не обусловленное предложение векселедателя, адресованное плательщику, уплатить определенную сумму векселедержателю»⁵¹. Несколько отличаются позиции авторов книги «Вексельное право: общие положения и юридический комментарий»⁵², которые определяют простой вексель как простую долговую расписку, подпадающую при условии соблюдения правил составления под действие вексельного права с его материальными и процессуальными особенностями, а переводной вексель – как предложение векселедателя (трассанта) произвести платеж векселеприобретателю (ремитенту), третьему лицу. Этот перечень авторов, обосновывающих понятие векселя, далеко не полный. Как правило, понятие векселя раскрывается только с точки зрения обязательства. Например,

⁴⁸ Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2001. – № 2. – С. 5.

⁴⁹ Вишневский А. А. Вексельное право. – М.: Юристъ, 1996. – С. 8.

⁵⁰ Белов В. А. Очерки по вексельному праву. – М.: Юринфор, 2000. – С. 84.

⁵¹ Рукавишников И. В. Вексель как объект гражданских правоотношений. – М.: Юринфор, 2000. – С. 16.

⁵² Ильин В. В., Макеев А. В., Павлодский Е. А. Вексельное право: общие положения и юридический комментарий. – М.: Банковский деловой центр, 1997. – С. 21 (автор статьи А. В. Макеев).

в учебнике по гражданскому праву простой вексель определяется как ценная бумага, содержащая ничем не обусловленное обязательство векселедателя уплатить в определенный срок векселедержателю или по его приказу установленную в векселе денежную сумму, а переводной вексель (тратта) представляет собой ценную бумагу, содержащую ничем не обусловленное предложение векселедателя (трассанта) плательщику (трассату) уплатить в определенный срок векселедержателю (ремитенту) или по его приказу установленную в векселе денежную сумму⁵³.

Как указывалось, вексель как правовой институт не только представляет собой гражданско-правовое обязательство, но и имеет другие составляющие (например, вексель – объект гражданских прав, вексель – сделка). В связи с отсутствием законодательного определения векселя авторы в основном ориентировались на понятие векселя, содержащееся в подзаконных актах, принятых в самом начальном периоде возрождения вексельного обращения в России. Так, согласно п. 4 «Положения о ценных бумагах», утвержденного Советом Министров СССР № 590 от 19 июня 1990 г.⁵⁴, вексель – ценная бумага, удостоверяющая безусловное денежное обязательство векселедателя уплатить по наступлении срока определенную сумму денег владельцу векселя (векселедержателю). Аналогично определялся вексель в п. 2.1 «Рекомендаций по использованию векселей в хозяйственном обороте», утвержденных ЦБ РФ № 14-3/30 от 9 сентября 1991 г.⁵⁵: вексель – это составленное по установленной законом форме, безусловное, письменное, долговое, денежное обязательство, выданное одной стороной (векселедателем) другой стороне (векселедержателю) и оплаченное гербовым сбором. Попытка дать понятие векселя была предпринята в «Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик» от 31 мая 1991 г.⁵⁶, в соответствии со ст. 31 которых вексель – ценная бумага, удостоверяющая ничем не обусловленное обязательство векселедателя (простого векселя) либо иного указанного в векселе плательщика (переводного векселя) выплатить по наступлении предусмотренного векселем срока определенную сумму владельцу векселя (векселедержателю).

Как отмечалось выше, понятие векселя в дореволюционном российском вексельном законодательстве также не раскрывалось, а среди ученых-цивилистов преобладали две точки зрения на понятие векселя. Согласно одной точке зрения (Г. Ф. Шершеневич) вексель есть основанное на договоре и выраженное в письменной форме одностороннее обязательство уплатить известную денежную сумму⁵⁷. Однако в то время преобладала все-таки другая точка зрения, согласно которой вексель является односторонним обязательством или односторонним обещанием уплатить определенную сумму⁵⁸. В период нэпа правовое регулирование оборота векселя осуществлялось на основании Положения о векселях 1922 г., где в ст. 1 указывалось: «Векселем называется долговое денежное обязательство одной стороны (векселедателя) другой стороне (векселедержателю) с соблюдением требований настоящего положения и написанное на вексельной бумаге соответствующего достоинства»⁵⁹. Из этого определения можно сделать вывод, что вексель 1937 г. коренным образом отличается от векселя 1922 г., Положение о котором было издано на основании Устава о векселях 1902 г. Следовательно, к трудам авторов того периода следует относиться критически, поскольку понятия векселя тогда и сегодня резко отличаются. То же самое можно сказать об отдельных выводах дореволюционных авторов по вексельному праву, поскольку они исходили из того, что, например, по Уставу о век-

⁵³ Гражданское право: Учеб.: В 3 ч. / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: Проспект, 1998. – Ч. 1. – С. 484.

⁵⁴ Собрание постановлений СССР. – 1990. – № 15. – Ст. 82.

⁵⁵ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1993. – № 5. – С. 36.

⁵⁶ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1992. – № 26. – Ст. 737.

⁵⁷ Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. – М.: Спарк, 1994. – С. 260.

⁵⁸ См., например: Нерсесов Н. О. Представительство и ценные бумаги в гражданском праве. – М.: Статут, 1998. – С. 200–203.

⁵⁹ Собрание Узак. – 1922. – № 25. – Ст. 285.

селях 1902 г. содержание переводного векселя определялось как приказ (а не предложение) векселедателя третьему лицу принять на себя вексельное обязательство (п. 86 Устава).

Кроме того, в советское время вексель практически наукой не изучался. Как подчеркивает профессор О. С. Иоффе, это было связано с тем, что «кредитная реформа 1930–1931 гг. привела к исключению векселя из внутреннего оборота страны, что не могло не повлечь за собой существенного сужения объема научного анализа, обращенного к ценным бумагам этого вида»⁶⁰.

Достижения дореволюционных российских векселистов, несомненно, имеют огромное практическое, методологическое и научное значение для современной российской гражданской правовой науки. Вместе с тем мы не должны слепо руководствоваться их идеями и мнениями, поскольку необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, российский вексель 100–150 лет назад хотя и имел все современные черты векселя, но в силу законодательства тех лет и особенностей экономического развития в отдельных случаях обладал некоторыми особенностями, отличными от современного российского векселя. Более того, когда дореволюционными авторами разрабатывались отдельные вексельные концепции и теории, еще не действовали Женевские вексельные конвенции, с момента принятия которых прошло более 70 лет. В России в последние годы вступили в силу новые законодательные акты по правовому регулированию вексельного обращения. Это прежде всего Федеральный закон «О переводном и простом векселе» и отдельные нормы и институты Гражданского кодекса 1994 г. Все указанное нормотворчество способствует если не коренному повороту, то во всяком случае существенному изменению взглядов на вексель и вексельные обязательства.

Вексельное право зарубежных государств, основанное на Женевских вексельных конвенциях, как правило, также не раскрывает понятия «вексель». Например, германский Закон о векселях от 21 июня 1993 г.⁶¹ не содержит определения векселя, да и в Женевских вексельных конвенциях⁶² мы не находим его.

Необходимо подчеркнуть, что Женевские вексельные конвенции, принятые более 70 лет назад, в одних случаях устарели, в других – абсолютно не учитывают экономические, исторические, культурные, политические и территориальные реалии современной России. По нашему мнению, есть острая необходимость принятия нового вексельного закона, учитывающего эти изменения. По этому пути пошли многие развитые страны. Например, в ФРГ, несмотря на то, что Женевские вексельные конвенции были основаны на Общегерманском вексельном уставе 1987 г., принят Закон о векселях от 21 июня 1993 г., который не только отличается в отдельных вопросах текстуально от Единообразного вексельного закона, но и имеет ряд новелл и дополнений, учитывающих специфику сегодняшнего дня, легко воспринимается и доступен читателю.

⁶⁰ Иоффе О. С. Избранные труды. – М.: Статут, 2000. – С. 185.

⁶¹ Германское право: В 3 ч. – М.: Статут, 1999. – Ч. 3. – С. 102–126.

⁶² Собрание законов. – 1937. – Отд. II. – № 18. – Ст. 108–110.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.